

Наталья
Медведская

12+

ПОДЗЕМНЫЕ
КУКОЛКИ

Наталья Брониславовна Медведская

Подземные куколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40473301

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-10936-0

Аннотация

Перед свадьбой Женька узнаёт о предательстве лучшей подруги и жениха. Пытаясь прийти в себя после глупой, банальной ситуации, она прячется в заброшенном доме на старинной улице города. Только вот дом оказывается не таким уж покинутым, ей предстоит узнать, какие он скрывает тайны, а заодно и о себе выяснить много интересного. Встреча с неприятным соседом станет значимой и круто повернёт судьбу сразу нескольких человек.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Наталья Медведская

Подземные куколки

Глава 1

«Как? Как после этого доверять людям? Если лучшая подруга и самый близкий человек оказались предателями. Как после этого жить? Смотреть им в глаза. Ходить по одним улицам».

Будучи эмоциональным и вспыльчивым человеком Женька от негодования и возмущения не находила себе места. Два часа без усталости, ничего не замечая вокруг, носилась по улицам города, пытаясь придти в себя. Горло, пересохшее от волнения, давно требовало хотя бы каплю воды. Женька закашлялась и вынужденно остановила бессмысленный бег по раскалённым от полуденного солнца улицам. Обнаружив себя на окраине города, ничуть не удивилась: хотелось как можно дальше сбежать от родного дома. Что ж, это удалось. Нелёгкая занесла её в старый Еврейский район города. Частные дома, стоящие здесь, повидали многое, умей они чувствовать, ничуть не удивились бы облику девушки: бледному лицу, растрепанным волосам и взору, горящему яростью. Женька сглотнула вязкую слюну, бросила взгляд на пыльные босоножки, видимо, где-то промчалась по высохшему газо-

ну. В кармане комбинезона из лёгкой белой ткани тренькнул телефон, она вытащила его – на дисплее высветилось имя подружки-предательницы.

«Кто бы сомневался, что ты будешь названивать. Хочешь оправдаться?»

Женька решительно отключила звонок. Но тут же раздался второй. На этот раз её добивался бывший жених. Она не только не могла говорить с ними, даже их голоса слышать не желала. После третьего звонка, чтобы от злости не разбить телефон, вытащила батарейку, заставляя аппарат смолкнуть. Перед глазами поплыли цветные круги, Женька потрогала макушку – горячая.

– Кого-то разыскиваешь?

Женька обернулась, старушка лет семидесяти, положив пухлые руки на низкую калитку, рассматривала её со спокойным любопытством.

«Теперь понимаю, почему бабушек называют одуванчиками», – отстранённо подумала Женька.

Волосы старушки походили на белоснежный тонкий пух, казалось, дунешь, и они тут же полетят по улице, мощённой камнем, разносимые лёгким ветерком.

– Немая что ли?

– Дайте воды, пожалуйста, – просипела Женька, отходя в тень акации.

– Сядь на лавочку, – скомандовала старушка. – Вид у тебя больно аховый, видать голову напекло.

Минуты через три она появилась рядом с Женькой, протянула большую кружку с напитком рубинового цвета.

– Клюквенный морс. Пей не торопясь маленькими глотками.

Женька едва удерживала себя от желания выпить морс залпом. Приятный кисловатый на вкус напиток хорошо утолил жажду.

– Спасибо.

– Искала кого? – повторила вопрос старушка.

Женька встала с лавочки.

– Спасибо за морс. Просто гуляла.

– Гуляла? Без головного убора. Вон асфальт плавится, даже яичницу можно жарить.

– Вы прямо, как моя бабушка, – усмехнулась Женька.

– Ладно. Не моё это дело, – махнула рукой старушка.

Женька поплелась по улице, чувствуя себя воздушным шариком, из которого выкачали воздух. Гнев улетучился, оставив после себя пустоту и разочарование. Навалилась усталость, она добрела до ближайшей лавочки, находящейся в густой тени орехового дерева, и буквально рухнула на неё. Перед глазами снова возникла картина, перечеркнувшая её жизнь.

Она торопилась обрадовать подругу детства Милу. Случайно удалось с большой скидкой купить путёвки на экскурсию по «Золотому кольцу». Они давно мечтали втроём прокатиться на теплоходе и посетить знаменитые старинные го-

рода, но, то времени не было, то денег, то не удавалось собраться вместе. С Милой Женька дружила с детского сада, даже раньше, с песочницы. Ей, непоседливой и активной, очень понравилась аккуратная, тихая девочка с необыкновенно красивыми карими глазами, похожими на глаза любимой куклы Василисы, с которой она делилась секретами и жаловалась на родителей. Девочки моментально нашли общий язык. Женька придумывала игры и правила, а Мила им подчинялась. Добрая, нежная Мила с глазами трепетной лани, внешне походила на маленькую воспитанную принцессу. Она боялась всего: крупных жуков, червяков, гусениц, лягушек и даже голубей. Женька, по правде, тоже была не из храбрых девочек, но рядом с робкой подружкой ощущала себя смелой. Она бросалась на помощь, даже когда сердце замирало от ужаса, трясущимися пальцами выкидывала лягушку из ведёрка Милы, снимала с платья подружки толстых, мерзких гусениц, грудью вставала перед крупной овчаркой, посмевавшейся к ним приблизиться. Отец учил Женьку: страхи живут у нас в голове, большинство выдуманы, просто нужно их преодолеть. Девочка свято верила отцу, он был для неё кумиром. Егор Иванович работал врачом на «Скорой» и каждый день спасал людей. Подруги учились в четвёртом классе, когда к их дружной паре присоединился третий – Олег Тихомиров. Новый мальчик появился во дворе в конце августа, и сразу стал мишенью для пересудов подъездных старушек и предметом зависти мальчишек, вернее не сам он, а вещи,

принадлежащие ему. Олег выкатил из подъезда шикарный многоскоростной велосипед, объехав двор по кругу, притормозил возле лавочки, на которой сидела местная ребятня.

– Привет! Кто хочет прокатиться, – предложил новенький.

Пора мальчишки размышляли, Женька шустро выступила вперёд.

– Я хочу.

Она запрыгнула на сиденье велосипеда, будто на необъезженного мустанга, и рванула по дорожке, быстро набирая скорость. Лёгкость хода двухколёсного коня поражала: её простенький велосипед не шёл ни в какое сравнение с этим чудом. Ветер свистел в ушах, и она решила прибавить ходу, но перепутала переключатели и нажала на тормоз. Велосипед, как сноровистая лошадь, сбросил всадницу на асфальт. Женька перелетела через руль и жёстко приземлилась, обдирая кожу коленей до мяса.

Олег первым добежал до потерпевшей.

– Живая? Ох! – он вздрогнул, увидев кровь, бегущую из довольно страшноватых ран.

Женька сморщилась, втянула воздух сквозь зубы.

– Фигня. Заживёт. Посмотри, велосипед цел? – заволновалась она, прекрасно зная его стоимость. Когда ей покупали двухколёсный транспорт, они с отцом только повздыхали в магазине, глядя на цену такого великолепия, как у Олега.

– С ним полный порядок, – возвестил Олег, бросив ми-

молётный взгляд на велосипед. – Как тебе помочь? – Он жалостливо поморщился: кровь, бегущая из глубоких ссадин на коленях девочки, смешивалась с пылью и грязью на асфальте.

Женька махнула рукой.

– Сама справлюсь. Промою водой и перекисью залью. Классный велик. Дашь ещё покататься?

Олег расширенными глазами посмотрел на отважную и терпеливую девчонку. Она уловила восхищение, с минуту погрелась в его тёплых лучах. Раньше так благоговейно на неё смотрела только Мила.

Вскоре троица Женька, Мила и Олег стали неразлучны.

Женька тряхнула головой, отгоняя непрошенные воспоминания детства. Перед глазами снова встал недавний кошмар. Перескакивая через две ступеньки, она поднималась по лестнице в квартиру подруги. Остался один пролёт, Женька подняла голову и оцепенела: на лестничной площадке целовались её жених и лучшая подруга. Беспощадный свет дневной лампы в коридорчике высвечивал каждую подробность. От неожиданности Женька застыла статуей. Никогда раньше она не видела такого потрясённо счастливого лица у Олега. Ни разу за всё время их романа. Да и запрокинутое лицо Милы светилось от нежности. Они целовались самозабвенно, ничего не видя и не слыша вокруг. Олег оторвался от губ Милы на пару секунд, что-то тихо прошептал. Ласково про-

вёл кончиками пальцев по её щеке, потом зарылся лицом в волосы. Затем отстранившись, долго на неё смотрел. Женька ощутила себя чужой на этом празднике страсти, сердце неистово заколотилось, руки внезапно онемели. На бетонные ступеньки с глухим стуком упал пакет, банки горошка и сгущёнки покатались вниз. Женька, проследив за кульбитами банок до площадки, перевела взгляд на Милу и Олега. Отскочив друг от друга, они виновато и перепуганно смотрели на неё. Она пожалала плечами и хрипло произнесла:

– Совет вам да любовь бывший женишок и бывшая подруга.

Мила закрыла лицо руками. Олег, пряча глаза, сделал шаг в сторону Женьки. Та глянула на него яростными, непрощающими глазами.

– Стой, где стоишь. Вы для меня теперь никто и звать вас никак. Заявление из загса я заберу. Счастливо оставаться, – Женька пнула пакет, попавшийся под ноги, и быстро побежала по ступенькам вниз.

– Не уходи так, выслушай, – понёсся ей вслед отчаянный крик Милы.

Женька с силой захлопнула входную дверь, отрезая этот крик.

Жара начала спадать, тень под орехом сделалась гуще, на ранее почти пустой улице появились люди. Женька вставила батарейку в телефон, посмотрела на дисплей – шесть вечера.

Долго же она отдыхала на лавочке. Домой возвращаться не хотелось, она боялась столкнуться с Милой и Олегом: было невыносимо и больно их видеть. Все знакомые, друзья, соседи, да весь двор знали о предстоящей свадьбе. Женька понимала, что на долгое время станет предметом пересудов, но не это её волновало. В один миг часть жизни превратилась в насмешку, историю для анекдота. Она усмехнулась. Сколько раз она смеялась над незадачливыми мужьями, жёнами и возлюбленными в анекдотах, а теперь сама стала одной из них. Только теперь ей не до смеха. Хотелось раствориться, исчезнуть из этого мира и больше никого не видеть. Из телефона полилась мелодия из «Неуловимых мстителей». Наверно, мать насторожило её долгое хождение в магазин.

– Я в порядке. Скоро буду дома, – как можно спокойнее ответила она на вопрос матери.

– Пожалуйста, подумай обо мне. Не совершай глупостей. Приходила Мила, просила позвонить, хотела поговорить с тобой, – торопливо проговорила в трубку мать.

Имя подруги хлёстко ударило в грудь.

– У меня больше нет подруги, – в голове Женьки промелькнула догадка. – Она ещё у тебя? Пусть уходит домой... по-хорошему.

В трубке послышалось глухое бормотание. Спор.

– Возвращайся. Мила ушла. Объясни, что произошло?

Женька буркнула:

– Ничего хорошего, – и отключила телефон.

Она догадывалась, Мила и Олег будут ждать её у подъезда. Женька хорошо знала друзей детства, оба не любили откладывать решение проблем на потом. Впрочем, она сама такая. Её совершенно не интересовало, как они собирались оправдать своё поведение. Ничего уже изменить нельзя. Никому из них она доверять не может. Если у Милы с Олегом давние отношения, то почему он собирался на ней жениться? Неужели она не достойна доверия? Почему молчали? А если у них несерьёзно – ещё хуже. Получается, смеялись за её спиной?

Что же выходит? По-настоящему не знала тех, с кем дружила с детства, кого считала не просто друзьями – родными людьми. Женька осознала, больше всего печалится не за бывшим женихом, больно из-за попорченной дружбы. И совсем не готова встретиться с Милой и Олегом лицом к лицу, не потому что страшится узнать правду или выслушать лживое оправдание, просто противно до дрожи, до омерзения сейчас их видеть. Боязнь потерять лицо и сорваться, это единственное держало на плаву. Требовалось время, чтобы прийти в себя. Женька усмехнулась, представив парочку предателей, высматривающую её у подъезда. Она решительно поднялась с лавочки, уже зная, как попадёт к себе в квартиру, минуя бывших друзей. Для неё, привыкшей к высоте, пустяк перебраться с балкона соседей на свой балкон. Благо вход в квартиру соседа с другого подъезда. Через час, скрываясь, будто вор за пышными кустами «Невесты», Женька

незаметно для наблюдателей пробралась к входной двери. Сосед дядя Лёша курил на лестничной площадке, сбрасывая пепел в консервную банку из-под сардин. На её просьбу перебраться с его балкона в их квартиру, только кивнул. Неугомонная соседка делала это не единожды.

– Спасибо, – поблагодарила его Женька.

– Рисковая ты девка. Когда успокоишься? – Этот вопрос он задавал при каждой встрече.

– Надеюсь, никогда.

Сосед покачал головой.

– Дети пойдут, утихомирят. Да и пацан твой крылышки подрежет.

Женька усмехнулась, дядя Лёша считал Олега слишком рассудительным и вальяжным.

– Это вряд ли.

Она быстро преодолела пятиметровое расстояние по узкому парапету, подтянулась на руках и бесшумно влезла на свой балкон. В приоткрытую стеклянную дверь из зала доносились голоса матери и Тони. Антонина, будучи младшей сестрой матери, в свои тридцать шесть находилась в активном поиске спутника жизни, выглядела молодо, спортивно и не позволяла Женьке называть себя тётёй. Хотя та и не собиралась это делать, Тоню скорее можно было назвать наперсницей, ведь именно она отвечала на деликатные вопросы взрослеющей племянницы.

– Как банально! – возмутилась Тоня. – Будто в дурном

кино, застать подругу со своим парнем. А ты знаешь, Ксюша, я что-то такое подозревала. Мила смотрела на Олега далеко не по-дружески.

Мать, стоя у зеркала, закрутила волосы в плотную гульку, заколола шпильками, да ещё пригладила ладонями выбившиеся волоски.

– А я верю Миле, раньше никаких отношений у неё с Олегом не было. Она бесхитростная девочка, совершенно не умеет врать, да и выглядела больно потрясённой и расстроенной. Переживает за Женьку. Боится, что та натворит глупостей.

Тоня швырнула толстый иллюстрированный журнал, который с интересом рассматривала на диван и громко возмутилась:

– Переживает она. За каким чёртом тогда к Олегу лезла.

Критически оглядела старшую сестру. По её мнению, с прилизанными волосами та выглядела строгой учительницей или балериной на пенсии. К тому же полное отсутствие макияжа делало лицо невыразительным.

Ксения Матвеевна усмехнулась, сразу догадавшись о мыслях младшенькой. Много раз Тоня убеждала её подумать о себе. Мол, сколько ещё ты будешь носить траур по мужу.

– А знаешь, я всегда считала: Олег не пара Женечке. Сколько раз ей это говорила. Она у меня огонь, егоза одним словом. А он спокойный, рассудительный, даже немного флегматичный. Ей бы найти по себе, такого, чтоб горели

одним пламенем.

Тоня покачала головой.

– Наша Женька адреналинщица, по краю ходит, ей как раз тихий и смирный мужчина нужен. Мы устали за неё волноваться. А Олег хоть и не огонь, но такой красавчик.

Ксения Матвеевна не согласилась.

– С ним она быстро соскучится. Может, к лучшему, что всё так вышло?

Женька разозлилась и с силой толкнула балконную дверь, заставив мать и Тонию подпрыгнуть на диване.

– Конечно к лучшему! Это же замечательно, когда тебя предают друзья.

Лицо Тони покрылось пятнами, несмотря на свой не юный возраст, она всегда удивительно быстро краснела. Кожа на высоких скулах заалела маками. Глаза, похожие на Женькины и цветом, и разрезом, посветлели. Все женщины их семьи обладали необычными глазами, они меняли цвет от настроения, становясь сине-зелёными от обиды, расстройства или смущения, до светло-зелёных, прозрачных от злости. Из-за голубоватых белков цвет радужки казался ещё ярче. Широко посаженные, чуть миндалевидные они являлись главным украшением их лиц. А у Женьки к необычным глазам добавлялись и пухлые соблазнительные губы, вернее пухлая лишь нижняя, верхняя была аккуратная, будто вырезанная резцом. В отличие от Тони Женька сохранила естественный русый цвет волос и не заморачивалась со стрижкой, просто

укоротила волосы до плеч и часто носила на макушке заурядный хвост. Но главным отличием от матери и тётки было выражение её лица: упрямо-любопытное, заинтересованно-шкодливое. Будто она ещё удивлялась всему в мире и одновременно делала ему вызов.

– Когда-нибудь ты доведёшь меня до инфаркта, – возмущилась Ксения Матвеевна, окидывая дочь быстрым взглядом. В нём чувствовалось и облегчение, слава Богу живая, здоровая, и досада за вечный страх. – В этом происшествии есть и хорошее...

Переменчивые Женькины глаза стали светлыми, точный показатель едва сдерживаемого гнева.

– Дай угадаю. Лучше узнать суженого до брака, чем мучиться подозрениями всю жизнь.

Тоня хлопнула в ладоши, краска немного схлынула с пухлых гладких щёк.

– Правильно понимаешь. Мы тут чуть не чокнулись, ожидая тебя. Ксения боялась, что с твоим-то темпераментом ещё сотворишь какую-нибудь глупость. Она уже успела всех знакомых обзвонить. Вдруг ты кому-то на глаза попалась. Еле её успокоила. Уж я-то знаю: ты не истеричка, как некоторые девицы в твоём возрасте. На самом деле ты всегда просчитываешь риск, да и не в твоём характере думать о самоубийстве.

Женька уселась в кресло, бросила сумочку на пол.

– Спасибо, тётечка на добром слове.

На лице Тони смущение сменилось возмущением, хотя она понимала: племянница назвала её тётёй, лишь желая позлить.

– Жень, один поцелуй. Может не стоит рубить с плеча и рвать отношения с Олегом. А я по тебе вижу, именно это ты и собираешься сделать. С кем не бывает...

– Со мной не бывает, – криво усмехнулась Женька. – Тётечка, ты, правда, думаешь: я отмахнусь и тотчас забуду, как целовались Олег и Мила?

Ксения Матвеевна разгладила юбку на коленях, поправила воротничок кофточки.

– Произошло неприятное происшествие. Дочик, нужно жить дальше.

– А я и собираюсь жить дальше, – Женька отбросила чуть выющиеся влажные волосы за спину: неприятно липли к шее. – Мне надо прийти в себя: не каждый день теряешь и жениха, и подругу одновременно. Необходимо время. Я научусь обходиться без них.

Тоня покачала головой. Высветленные пряди волос аккуратного каре, будто шторка, открыли и закрыли лицо.

– Боишься встретиться с ними? Я бы им такое устроила. Высказала бы всё, что думаю.

Женька подняла брови, ноздри небольшого прямого носа чуть раздулись. На самом деле она не была так спокойна, как хотела показать.

– А смысл? Мне не нужны ни объяснения, ни оправдания.

Я их не боюсь, а не желаю видеть. Это совсем другое.

Ксения Матвеевна нахмурилась. Лучше бы дочь буйствовала и ругалась. Обычно оживлённое лицо Женьки сейчас потускнело и выглядело так, будто в её душе погасили огонь.

– Бог с ней со свадьбой. Заберёшь заявление из загса. А я откажусь от платья в ателье, отменю заказ в кафе. Не вешай нос, на твой век женихов хватит.

Тоня сделала страшные глаза: мол, не подливай масла в огонь.

Женька, заметив её мимику, скривила губы. Нижняя более пухлая задрожала.

– Не надо со мной, как с больной. Я хочу побыть одна, куда-нибудь скрыться из этого дома и двора.

– Можно путёвку в санаторий взять, – предложила Тоня.

– Не пойдёт. Хочу тишины и покоя, и чтобы ни одного человека рядом.

Тоня удивилась, в задумчивости подула на чёлку.

– Никогда не могла угадать, как ты поступишь. Предполагала, устроишь войну, а ты отступаешь без боя. Спрячешься, будто виновная.

Женька прикусила нижнюю губу.

– Не подначивай, а лучше подсажи, где найти тихое место.

Ксения Матвеевна подошла к балконной двери. Наступал вечер, жара немного спала, во двор высыпала ребятня. У подъездов, будто вороны на деревьях, на скамейках рассе-

лись старушки.

– У нас есть двоюродная сестра, которая живёт в деревне. Женька закатила глаза.

– С ней придётся общаться, а я не в настроении.

Тоня обрадовано тряхнула идеальным каре.

– А я знаю такое место и уезжать из города не придётся.

Ксения Матвеевна покосилась на младшую сестру, не понимая, что та придумала.

– Дочь, а как же твоя работа?

Женька отмахнулась.

– Я на сдельной оплате, на выполнение каждого заказа заключается контракт. Сообщу бригадиру, что возьму отпуск на неопределённое время. Говори, Тонь.

Антонина походкой манекенщицы прошлась по комнате. Женька невольно оценила усердие тётушки в занятиях фитнесом: сохранилась и тонкая талия, и стройные бёдра.

– Ксюш, помнишь моих институтских друзей? Шульцев, уехавших в Германию семь лет назад?

– И что? – Ксения Матвеевна не понимала, куда сестра клонит.

– Дома на короткой улочке, где они жили, должны были уйти под снос, поэтому Шульцы не смогли продать своё жильё. Но планы наших градостроителей поменялись, про ту улицу попросту забыли – люди сих пор там живут. По просьбе Лены Шульц я недавно ездила к их дому. Двор от калитки зарос бурьяном в человеческий рост, к крыльцу не пройти,

но сам дом вроде бы в порядке. Во всяком случае, крыша цела.

– Ты предлагаешь Женьке поселиться в заброшенном доме? – возмутилась Ксения Матвеевна. – Да за столько лет там мышей и крыс немерено расплодилось, а комнаты паутиной заплело. Да я вся изведусь, думая, как там она одна-одиношенька поживает. Дочь, а почему бы тебе в собственной квартире отпуск не устроить, мы тебя не будем трогать.

Женька грустно заметила.

– Хорошенький отпуск в бетонной коробке, – она почувствовала наваливающуюся на неё усталость и апатию. Физически ничего не делала, но так вымоталась морально, будто тысячу трудных швов сварила на высоте.

– Ксюш, ты забываешь, что твоя дочь уже взрослая. Замуж собиралась. Ой! – Тоня прикусила язык. – Прости, племяшка, вырвалось. Кстати, там и, правда, тишина. Когда я туда приехала, мне показалось, будто в глухой деревне оказалась. Зелень, птички поют, воздух чистый.

– Ещё бы, рядом с той улицей огромное старинное армянское кладбище «Мясникован¹», похожее на парк. Помню, студентами, мы туда ездили на семейные дворянские склепы смотреть. Жутковатое и мрачное место, – заметила Ксения Матвеевна.

Женька воспряла духом.

¹ «Мясникован» – одно из старых кладбищ города Ростова-на-Дону. Первые захоронения начали производиться в 1749 году.

– Тоня, мне твоя идея нравится. Буду на свежем воздухе, как в лесу и никуда уезжать не надо.

– Но это далеко от нас, на другом конце города. Даже на такси минут сорок ехать, а на трамвае и вовсе – часа полтора, – расстроилась Ксения Матвеевна. Она привыкла, дочь всегда рядом, когда училась, тоже оставалась дома.

– Вот и хорошо. Завтра же отправлюсь туда на душевную реабилитацию, – заявила Женька. – Попью чаю и буду сумку собирать.

Тоня потянулась за ручкой.

– Я тебе сейчас адрес дома Шульцев напишу. Лена надеялась, буду приглядывать за домом, пока его не снесут. Первые два года я делала это. Но так как сносить передумали, а ездить мне далеко, перестала смотреть за их жильём. Пробрёшься через бурьян к крыльцу, там на первой ступеньке справа плитка поднимается, под ней ключи спрятаны.

– Я думала, ты с ней съездишь, – недовольно пробурчала Ксения Матвеевна. Идея поселить дочь в заброшенном доме ей совершенно не нравилась и очень тревожила.

– Не маленькая, сама доберётся и позвонит, – отмахнулась Тоня. – А мне с утра в налоговую надо.

Женька сгребла бумажку с адресом Шульцев со стола, сунула в карман комбинезона. К удивлению матери, она с аппетитом поужинала и принялась вытаскивать вещи из шкафа. На клетчатом покрывале вскоре выросла куча из маечек, кофточек, шорт, джинсов и нижнего белья. Отсортиро-

вав эту кучу-малу, она уложила отобранные вещи в спортивную сумку, добавила туда комплект постельного белья.

– Мам, пожалуйста, не говори Миле и Олегу, куда я уехала, как бы они ни просили, – Женька положила свёрнутый вчетверо листок бумаги на стол. – Вот передашь, кому-нибудь из них.

В записке Женька написала лишь одну фразу.

«Отныне вы оба свободны от всех обязательств передо мной, в том числе от дружбы».

* * *

Женька выросла в большом дворе, окружённом четырьмя панельными пятиэтажками. К моменту её появления на свет яркая окраска стен поблёкла. Можно только предположить, как выглядели раньше «Подсолнух», «Роза», «Море» и «Туман» – так жители называли свои дома по основному цвету. «Подсолнух» в котором жила Женька, давно потерял солнечный оттенок, на стенах едва угадывался жёлтый цвет. Пятиэтажки со временем приобрели одинаковый грязно-серый оттенок. Эти дома, построенные в шестьдесят девятом году прошлого века, сдали одновременно и заселили в течение месяца. Большинство квартир получили молодые семьи с детьми, все быстро перезнакомились и подружились. Мать Женьки родилась в семьдесят пятом, двор тогда ещё не стал уютным, деревца едва достигли трёх-четырёх мет-

ров. На её глазах они набирали силу и рост, превращая голый квадрат земли в подобие сада. С годами тонкие прутики пирамидальных тополей, берёз и лип превратились в исполины, создающие благословенную прохладу жарким летом. Так получилось, что среди жильцов оказалось много неравнодушных и деятельных людей, они не давали двору превратиться в унылое и скучное пространство. Вечерами на спортплощадках устраивались волейбольные и баскетбольные состязания, а в подвальных помещениях работали секции по интересам, имелся даже свой хор. И в трудное время перестройки домовый комитет не забывал вывешивать на большом стенде списки именинников и покупать им скромные подарки. Женька любила свой двор, питала тёплые чувства даже к всезнающим бабушкам, будто приклеенным к лавочкам у подъездов. В этом дворе прошло её детство и юность, здесь под липой впервые поцеловалась с Олегом, здесь же на волейбольной площадке он сделал ей предложение. Она не покидала двор надолго, благо в этом не было необходимости: Женька, несмотря на возражение матери, мечтающей о высшем образовании для дочери, получила профессию электромонтажника в местном училище, потом окончила курсы сварщиков и с восемнадцати лет начала неплохо зарабатывать. Так как она не боялась высоты, то пришла в бригаду, выполняющую монтажные работы на опасных высотных участках. За два года собрала на недорогую иномарку. Права получила шесть месяцев назад, но пока приобрести авто-

мобиль мечты ей не удалось. Зато теперь Женька могла какое-то время побездельничать. Всё утро воскресенья Ксения Матвеевна пыталась отговорить дочь от заселения в заброшенный дом Шульцев, но та осталась непреклонна. Она вызвала такси и в ожидании машины, маячила у окна. Бывшая подружка проживала в «Розе» прямо напротив дома Женьки, но увидеть окна квартиры Милы не получилось бы при всём желании, деревья закрывали обзор. Она усердно следила за входом в подъезд – пока кроме старушек ни Олега, ни Милы поблизости не наблюдалось. Женька очень надеялась, что и не увидит их. Заметив автомобиль с шашечками, торпливо чмокнула мать в щёку, подхватила сумку и выскочила из квартиры.

– Доброе утро, – кивнула она пожилым завсегдаеям скамеек.

Старушки в разной по приветствовали Женьку. Она уселась на заднее сиденье такси и назвала адрес. Машина уже выезжала из двора, когда подъезд «Розы» распахнулся, и на крыльцо выбежала Мила. Она замахала руками, прося остановить автомобиль. Женька бросила взгляд на её лицо и быстро отвернулась.

– Притормозить, – поинтересовался водитель. – Там девушка вам машет.

– Не мне. Перепутала с кем-то, – хмуро ответила Женька, устраиваясь на сиденье удобнее.

Она набрала номер бригадира, объяснила, что новый кон-

тракт заключать не будет, уезжает по семейным обстоятельствам. Когда вернётся, сообщит. Тот поворчал немного, но потом пожелал ей удачи.

Пока добрались до улицы Садовой в Пролетарском районе города, Женька успела вздремнуть. Ночью она почти не спала, долго ворочалась с боку на бок, сомкнула глаза лишь под утро.

– Сто лет не бывал здесь, – разбудил её голос водителя. – Дальше не поеду, дорога сильно убитая, а у машины низкая посадка, может глушитель оторвать.

Женька расплатилась за поездку, выбралась из такси. Дорога, и правда, представляла жалкое зрелище: сплошь ямы и глубокие выбоины. Улица напоминала деревенскую не только старыми, а вернее старинными домами, но и густой зеленью, тишиной и безлюдьем. Сюда не доходил шум города, а по улицам не сновали прохожие. Женька попыталась разглядеть табличку на ближайшем доме, краска осыпалась, первая буква отсутствовала, едва читалось: адовая два. Она хмыкнула: вот так улица Садовая превратилась в Адовую. Насколько длинна улица не разобрать, дорога метров через восемьсот упиралась в сплошную зелёную стену из деревьев. Там, видимо, располагалось что-то наподобие сквера или парка. А может, улица просто делала поворот. Она побрела по дороге, поглядывая на нумерацию. Женька не особо интересовалась историей города, но знала, что Ростов-на-До-

ну, разрастаясь, вобрал в себя бывшие села, деревни, станицы и даже небольшой город Нахичевань, стоящий на правом берегу Дона. В Пролетарском районе, куда она сейчас приехала, и находился этот бывший городок. Женька не раз поражалась контрастам Ростова: районы с узкими петляющими улочками, домами возрастом сто пятьдесят, а то и двести лет, соседствовали с современными бетонными высотками. Вот и здесь на Садовой стояли явно старинные постройки. На кирпичном фронтоне приземистого дома ясно читалась дата: одна тысяча восемьсот тридцать восьмой год.

«Бог мой! Дому сто восемьдесят лет!» – удивилась Женька, уважительно посматривая на хорошо сохранившегося каменного старикана.

В Железнодорожном районе Ростова-на-Дону она тоже видела целые улицы с древними домами, но они несколько отличались от домов на Садовой. Хотя, почти все старинные дома возводились из камня и кирпича, имели небольшие оконца и со временем вросли в землю, здесь на этой улице на фасадах имелись необычные элементы декора. Какие-то ромбики, квадратики вокруг окон и по краям фасада. Дом под номером десять выглядел заброшенным, на крыше из позеленевшего шифера зияли дыры, во дворе за сеткой рабицей буйствовали заросли крапивы и чертополоха. Да и стены из кирпича выглядели совсем дряхлыми, казалось, вот-вот рассыплются. Но Женька знала – это лишь видимость. Старый кирпич по крепости мог дать фору совре-

менному, гладкому и ровному, хотя и выглядел коряво и не очень красиво. Дом под номером четырнадцать смотрелся весьма странно из-за новых пластиковых окон на старинном фасаде. Они выглядели чужеродным элементом и совсем не украшали дом. Женька переложила тяжёлую сумку в другую руку, кажется, она переборщила с вещами, набрала лишнего. Она обрадовалась цифре восемнадцать на эмалированной табличке, прикреплённой к забору. Почти добрела. Ещё чуть-чуть и дом – Шульцев. Зелёная стена из деревьев приблизилась, но не стала понятнее.

«Если это парк, – решила Женька, – буду там бегать и разминаться».

Возле нужного дома под номером двадцать два росли невысокие платаны, создавая непроницаемую тень. Женька просунула руку сквозь поржавевшие прутья калитки, дёрнула за щеколду. С третьей попытки щеколда поддалась и калитка распахнулась. Густые высокие заросли преграждали дальнейший путь. Среди свежих зелёных кустов лебеды и лопуха виднелся прошлогодний бурьян: засохшие лапы чертополоха, бурые метёлки столетника и плети пырейника.

«Ох, ничего себе!» – хмыкнула Женька, не представляя, как пробраться сквозь заросли к дому.

Поставив сумку, она раздвинула руками мощные стебли лебеды, просунулась в образовавшуюся щель. Тут же ощутила: к одежде и в волосы вцепились колючие шарики репейника. Следующий шаг дался с трудом. Под ногами хрустели

стебли сухой травы, царапая тело сквозь тонкую ткань комбинезона.

«Предупреждала ведь Тоня, что двор зарос. Что стоило взять топорик или секатор, – разозлилась на себя Женька.

Ещё шаг и она вывалилась на открытое пространство. Женька в недоумении огляделась: внутри двора бурьяна не имелось. До самого крыльца бывшие клумбы, дорожку из кирпичей затянул цветущий полевой выюнок или по-простому берёзка.² Розовые и белые граммофончики густо усеяли ярко-зелёные плети, создавая нарядный ковёр. Она не слишком разбиралась в биологии, но знала, берёзка не способна сдерживать рост других дикорастущих растений, а тут каким-то образом она отвоевала себе большое пространство, оставив другим травам узкие полосы земли. Бурьян возвышался вдоль забора, закрывая двор с улицы, от соседей с обеих сторон. Женька, будто журавль, поднимала ноги, стараясь не наступать на граммофончики выюнка, отправилась проверять догадку. Так и есть! За домом узкая полоска бурьяна тянулась дальше. В саду росли четыре дерева, стояла какая-то небольшая постройка и беседка, увитая кустами плетущихся роз. Женька приблизилась к строению с плоской крышей и невысокой трубой. В небольшом мутном оконце метнулась чья-то тень.

«Для мыши или крысы тень слишком большая», – реши-

² Берёзка – так называют Полевой выюнок на Кубани из-за сходства листьев растения с листьями берёзы.

ла Женька и дёрнула за ручку. Дверь, скрипнув, легко открылась, явив взору предбанник со столом и парой лавок. Крючки на вешалках украшали лишь пара старых шапок из прежде белого войлока, ставшего теперь серо-коричневым. Дверь в парную была приоткрыта, Женька заглянула и туда – никого. В парной слабо пахло плесенью и травами. Полки из светлого дерева выглядели как новенькие. В углу лежали сложенные стопкой эмалированные тазы. А вот железный котёл для воды немного поржавел.

Женька пожала плечами: «Показалось. Нет тут никаких крыс. Надо будет натопить баньку и попариться».

Закрывая дверь парной, услышала шорох. Быстро оглянулась – опять никого.

«Только галлюцинаций мне не хватает», – досадливо скривилась она.

За стеной бани под шиферным навесом Женька обнаружила лопаты, сапки и маленькую двухколёсную тачку, но главное поленницу из аккуратно сложенных чурбачков.

Обрадовалась: «Замечательно! Даже о дровах не надо заботиться».

Беседка, увитая розами, выглядела живописно. Женька представила, как будут пламенеть стены беседки, когда все розы распустятся, сейчас алые лепестки раскрыли лишь единицы, большинство цветов ещё находилось в бутонах. Полоса бурьяна продолжилась, отсекая сад от внешнего мира. Получается, она, словно дополнительная ограда, закрывала

подступы ко двору со всех сторон. Как мог получиться такой странный бурелом, словно к замку спящей царевны. У природы много забавного и необычного. Во всяком случае, Женька осталась довольной, что внутри двор и сад чист – не придётся дёргать колючую траву. В саду, где не было тени, на открытых участках росла всё та же берёзка.

«Проход к калитке уж как-нибудь освобожу», – Женька вспомнила о брошенной на улице сумке. Прихватив лопату, поспешила обратно.

Прорубив узкий проход через заросли, протоптала тропу к калитке. Затем минут десять, чертыхаясь, обирала с одежды и волос шарики репейника.

Дом, как и большинство других на улице, выстроили из красно-коричневого кирпича, неровного, некрасивого по сравнению с современным, а теперь ещё и щербатого от времени. Четыре небольших окна на фасаде располагались невысоко от земли на уровне пояса Женьки. Она знала: потолки в таких домах низкие, комнаты из-за малого доступа света тёмные. Но Шульцы явно решили проблему с высотой потолков, подняли стены выше, достроили мансарду. Вместо обычной двухскатной крыши сделали четырёхскатную, явно значительно выше прежней. Теперь дом смотрелся забавно: старина не сочеталась с современной пристройкой и выглядела чужеродной нашлёпкой. Её предположение насчёт потолков оказалось правильным, оно сразу подтвердилось, когда Женька, отыскав связку из трёх ключей под

плиткой крыльца, вошла в дом. Из маленькой прихожей она сразу попала в большую комнату, совмещающую в себе сразу несколько функций: кухни, столовой и гостиной. Окна по высоте и объёму несоразмерные с комнатой выглядели комично и напоминали бойницы.

«Почему Шульцы не увеличили окна? – заинтересовалась Женька.

Она приблизилась к одному из окон. Подоконник был такой ширины, что на нём можно было разместиться с удобством. Толщина стен старой постройки оказалась просто чудовищной, будто крепость строили. Стало понятно, отчего окна оставили, как есть. Дом облицован кирпичом лишь снаружи, внутри камень, который не поддаётся резке. Снять ветхий потолок и надстроить стены оказалось проще. Но вот уюта комнатам это не добавило. Получилось окна где-то внизу, а над ними большое пустое пространство. На этом белом пространстве Женька обнаружила множество гвоздей. Шульцы, явно пытались украсить стены вверху. В столовой-кухне остался старый стол с потрескавшейся полировкой, пара табуреток, посудный шкаф, разделочный столик, покрытый выцветшей клеёнкой и округлый малыш-холодильник «Север». Женька щёлкнула выключателем и с радостью обнаружила: электричество не отключено. Из столовой вели две двери. Одна в спальню, здесь обстановка оказалась ещё скуднее: стояла лишь кровать с панцирной сеткой и тумбочка. Вторую дверь пришлось отпирать, непонят-

но почему, но её закрыли на замок, хотя комната ничем не отличалась от спальни, здесь стояла такая же кровать и тумбочка. Когда она распахнула дверь, ей, как и в бане, почудилось, будто что-то крупнее кошки метнулось в угол. При внимательном осмотре ничего и никого не отыскалось. Поднявшись по узкой лестнице на второй этаж, Женька попала в мансарду, обшитую деревом. Простору комнаты не мешал даже скошенный потолок. Два больших современных окна, размещённых на восток и запад, делали мансарду светлой. Здесь кроме шифоньера, каких-то коробок, детских качелей и шкафа с открытыми полками, заставленными старыми мягкими игрушками, ничего не было. Спустившись вниз, Женька отыскала ещё одну запертую дверь, ведущую в кладовую. На стеллажах разместилось множество пустых стеклянных банок, на полу стояли деревянные ящики с остатками сухой земли и песка. Но самое интересное: нигде в доме, на столах, подоконниках, полу не было пыли, а в углах и других укромных местах – паутины. Словно кто-то тщательно прибрался к её приходу или всё это время жил в доме. Но Женька могла поклясться: ключи под плиткой никто не трогал долгое время, они лежали в выемке присыпанные раскрошившимся цементом и тронутые ржавчиной. Она провела пальцем по полированной столешнице – ничего. Может, дом так хорошо законсервирован, что пыль не проникла внутрь? Но отдушины в углах гостиной и над кухонным столом говорили об обратном: свежий воздух в дом всё же по-

падал. Линолеум, стилизованный под паркет, тоже блеснул, будто недавно вымытый. Загадки множились: странный бурьян, выросший так, что получилась вторая ограда, берёзка, заполонившая двор, баня без запаха затхлости, чистота в доме – это возбудило любопытство Женьки, заставив на время забыть про предательство друзей. Решив, что пора располагаться на постой, в одной из спален она разобрала кровать. Спинки кровати довольно легко перенесла в мансарду, а вот с сеткой пришлось попрыгать, еле втащила по лестнице. В шкафу отыскался свёрнутый в рулон матрас, коврик ручной работы и (спасибо немецкой аккуратности) на полках лежали чистые наматрасники, пара подушек и старенькие покрывала. Женька застелила кровать бельём, взятым из дому, разложила вещи в шифоньере. Распахнув створки окон настежь, посмотрела с высоты. В восточное окно виднелся соседский дом и двор, выглядевший по-настоящему заброшенным. Заросли бурьяна, молодого орешника и поросль вишни захватили всё пространство участка. Никакой стены бурьяна и коврика из повилики, как на подворье у Шульцев там не наблюдалось. В западное окно просматривался другой соседский дом. Этот явно жилой: крыша сверкала новой металлочерепицей, в саду красовались подстриженные деревья, ухоженные грядки. Рядом с домом площадка с мангалом, столиком, стульями из ротанга, неподалёку небольшой бассейн с парой шезлонгов. Она немного расстроилась: лучше бы с обеих сторон дома оказались пустыми, уж очень хо-

телось уединения. С первого этажа послышался быстрый топот, она могла бы поклясться: пробежал ребёнок, шлёпая по линолеуму маленькими босыми ножками. Женька вмиг слетела по лестнице вниз, быстро обследовала комнаты – пусто. Это уже становилось захватывающе-интересным. В привидения, полтергейсты и другую всякую чушь она не верила, считала: всё можно объяснить, только надо постараться. Открыв кухонный стол, обнаружила стопку тарелок, глубоких и мелких, четыре чашки для чая, на каждой посудине стоял штамп «Общепит». Тарелки и чашки выглядели грубыми и довольно невзрачными, но главное, они имелись. На нижней полке стола примостилась пара эмалированных кастрюль с крохотными сколами внутри, сковорода и алюминиевый чайник. Судя по обстановке в доме и остатках вещей, Шульцы, уезжая, продали всё, что им удалось.

«Замечательно, пора подкрепиться», – решила Женька, доставая чайник.

Поставив его в раковину, находящуюся рядом с разделочным столиком, открыла кран. Раздалось шипение воздуха, но вода не полилась. Женька подёргала кран, наклонилась, и тут её окатило ржавой водой. Рядом раздался тихий смех. Она быстро оглянулась – опять никого. Галлюцинации? Странно. Раньше она ими не страдала. Раковину наполнила бурая вода, она, хлюпая, всасывалась в трубу. Уменьшив напор воды, Женька включила в розетку холодильник. И тут сообразила, что не видит газовой плиты. Отвод трубы

торчал на стене, но самой плиты не имелось. Сделав струйку совсем тонкой, пусть вода очищается, Женька решила отправиться в магазин.

Глава 2

– Дедушка Антип, просыпайся! Тут такое творится, а ты спишь самым бессовестным образом, – Акулина стала так его тормошить, что голова, мотаясь из стороны в сторону, свалила мягкие игрушки на пол.

Антип приоткрыл один глаз, глянул на внучку сердито.

– Отвяжись, Акулька. Спать хочу.

Акулина подпрыгнула на месте, громко шлёпнула по линолеуму узкими босыми ступнями. Полы широкого когда-то ярко-синего сарафана закрутились вокруг острых коленей. Она нервно хихикнула, дёрнула себя за растрепанные светлые волосы, смахивающие на паклю.

– Вставай, дед, ну ты и лежебока! У нас в доме человек появился. Может, даже хозяин.

Антип зевнул, запустив пальцы в окладистую бороду, яростно почесал подбородок.

– Привиделось с голодухи. Бедная ты моя, – произнёс он сочувственно, оглядывая худое, почти прозрачное тело внучки. Только глаза Акулины остались прежними: сверкали зелёным светом, будто прозрачные изумруды.

Ноздри чуть более длинного, чем надо, носа Акулины раздулись от ярости, сероватая кожа на лице порозовела. Она бросила на деда сердитый взгляд, в котором, однако, сквозила жалость. В последние месяцы он сильно ослабел и поэто-

му подолгу спал. Сейчас на его округлом лице застыло сонное снисходительное выражение.

– Ничего мне не привиделось! Я не голодная. Кто подобрал в доме самые последние крошки эмоций? Ты что ли? Нет, я. Кто следил за хозяйством? – пробурчала Акулина.

Несведущему человеку могло показаться: внучка весьма непочтительно обращается со старшим по возрасту. Антип намного старше внучки и когда-то впрямь выглядел древним дедом. Но за столетие сильно помолодел и теперь внешне сравнялся со стареющей внучкой. Да и родство их было настолько дальним, что добавлять пра-пра-пра перед словом дедушка быстро надоело.

– Ладно, ладно. Ты. Только чего за ним следить, пустой дом, брошенный... – Антип с трудом слез с полки шкафа на пол. Повёл носом-пуговкой, принюхиваясь будто собака. – Никак и, правда, человек сюда приходил.

Акулина всплеснула тонкими ручками.

– Да она по всем комнатам шастала! Посмотри: кровать сюда перетащила, а ты ничего не услышал.

Антип смутился.

– Это я маху дал. погоди, ты сказала она. Лена вернулась? – произнёс он с надеждой.

Акулина печально покачала косматой головой, острые кончики маленьких ушей шевельнулись.

– Странная девушка. Эмоциями переполнена, но они смазанные какие-то. Непонятные.

– Э, как потеряла ты навык, голубушка, – усмехнулся Антип, глубоко посаженные голубые глаза ласково посмотрели на внучку.

– Не потеряла. Сам увидишь.

Антип встревожился.

– А она не вор? Или хулиганка какая.

Акулина засмеялась, будто чисто и серебристо зазвенели колокольчики. Антип улыбнулся в усы: давно не слышал её смеха.

– Девчонка взяла ключи в схроне, потом спальное место приготовила. Стал бы вор так поступать?

– Ты права. Но если она не из Шульцев, то тогда кто?

– Узнаем, – Акулина распахнула створку шифоньера, повела подвижным носиком, втягивая запах от вещей новой постоялицы. – Хорошо пахнет: здоровым духом и телом. Жаль, не проявила уважения к дому. Придётся её немного поучить.

Антип, выбирая пёрышки из густых длинных волос, усмехнулся.

– Не поклонилась на пороге?

– Вообще никак не поприветствовала дом, вошла бесцеремонно и без боязни. Не порядок это. К Мирону в баню полезла без спросу, тот едва успел спрятаться за тазами. Защиту у входа поломала, целую тропу прорубила. А уж как я старалась, растила берёзку, заглушая остальные семена.

– Молодая?

– Кто? – подняла тонкие, будто ниточка, брови Акулина.

– Новая хозяйка молодая? – Антип собрал перья, вытащенные из волос, засунул в карман ветхих залатанных штанов.

– Молодая. Но одета, как мужчина, – возмутилась Акулина.

– Ладно тебе. Наша Лена тоже иногда надевала мужскую одежду. Раз молодая, значит неумеха, глупая. Научим, воспитаем, – Антип размял плечи, притопнул ногой, обутой в мягкий кожаный сапожок. – Эх, кота бы где взять или на худой конец мышку.

Акулина вздрогнула.

– Только не мышь. Я старалась, выводила этих тварей, а теперь запустить в дом. Да ни за что! Узнаю у Мирона, не видел ли он кота по соседству. Пригласили бы животину на постой.

Антип обнял внучку, потёрся носом-картошкой о её впалую щёку.

– Умница. Это было бы неплохо.

Лицо Акулины порозовело. Она давно не видела ласки от дедушки, потрясённого отъездом хозяев. Шульцы покинули дом, забыв своих хранителей, оставив их погибать.

– Тебе помочь вниз спуститься?

Антип покачал головой.

– Сам. Потихоньку.

– Тогда я за котом побежала.

Подол сарафана взметнулся, словно завихрился крохотный смерч – через секунду Акулина исчезла.

Антип при внучке крепился, не хотелось расстраивать, но стоило ей уйти, как он сгорбился, и, кряхтя, стал спускаться по ступенькам на первый этаж. У него не хватало сил на быстрое перемещение. Хорошо ещё, что возможность быть невидимым не зависела от его физического состояния, иначе бы новая постоялица, он боялся назвать её хозяйкой, заметила его спящим в мягких игрушках. Он любовно касался стен, помнившим многие поколения Шульцев, рождавшихся и умиравших в этом доме. Он сам был одним из них. И хотя память о человеческом облике значительно потускнела, всё ещё теплилась в нём. Антип спустился по лестнице. С грустью окинул полупустую столовую, окна без штор, протопал в укромный уголок между кухонным и разделочным столами, уселся на пол и смежил веки. Надо бы обойти комнаты, проверить, всё ли в порядке, но сил на это не доставало. В полудрёме Антип видел себя молодым парнем, прибывшим в Темерницкую таможенную писарем. Крепость имени Дмитрия Ростовского была совсем новенькой, выстроенной пять лет назад. Деревянные жилые и присутственные дома ещё не успели почернеть, а каменные стены крепости казались несокрушимыми. В тысяча семьсот пятьдесят четвёртом он женился на дочери начальника таможни Амалии и ни разу не пожалел о своём выборе. Имя Амалии значило – работа. Жена, будто оправдывая его, трудилась не покла-

дая рук. Дом содержала чистым, домочадцев ухоженными и сытыми. Один за другим родились трое сыновей. На глазах Антипа тогда ещё Николаса на месте таможи образовался город. Разросшуюся семью Шульцев старый дом уже не вмещал, Николас приобрёл участок земли в быстро строящемся городе Нахичевань рядом с Ростовом. В одна тысяча восемьсот четырнадцатом семья перебралась в новый дом. Николасу исполнилось шестьдесят, семья старшего сына Витольда осталась жить с родителями, средний и младший сыновья отправились искать счастья в Москву. Антип тяжело вздохнул, неожиданное появление девушки в доме разбредило душу. Он так и не узнал, что случилось с сыновьями, в отчий дом они больше не вернулись. Витольд же утешил отца и мать внуками. Четверо крепких мальчиков бегали по дому и сидели за столом, радуя бабушку аппетитом. Николас, прожив большую часть жизни в России, решил принять православную веру, но что-то постоянно мешало ему покреститься. Заболел он неожиданно, в горячке пролежал всего три дня. Перед смертью попросил позвать священника, но тот опоздал, а узнав, что старый Шульц некрещеный, отказался его отпевать. Душа Николаса не желала покидать дом. Кто-то смилоствивился над его душой, не смилившейся со скорой гибелью, и пожелал дому, не имевшему мистической защиты, оставить хозяина. Бывший Николас очнулся на чердаке. Он не сразу понял, что стал другим. Его больше не тревожили физические боли, он не нуждался в пище, по крайней ме-

ре людской. В потускневшем зеркале на чердаке он увидел свой новый облик: крепкий лохматый и косматый старичок, с белой бородой и острым взглядом серо-голубых глаз, под кустистыми бровями. Всё тело, даже ладони покрывал мягкий, будто пух, мех. Странно, но его не тревожило превращение в глубокого старца. Будучи человеком, он выглядел мо- ложе: умер в шестьдесят шесть. Но внутренним чутьём по- нял: всё идёт правильно, так и положено хозяину дома. до- мовому. Знания о скрытом от людских глаз мире входили в него отовсюду, будто разлитые в воздухе. Он узнал своё но- вое имя: Антип. Понял, что домовые рождаются стариками и со временем молодеют, а превратившись в маленьких де- тей, исчезают без следа. Антип с энтузиазмом взялся за но- вую работу по сохранению родного очага. В прошлой жизни он всё делал основательно, эта привычка осталась с ним и теперь. Оказалось, он не может покинуть дом. Незримая си- ла отбрасывала его назад. Стоя невидимым на пороге, Антип проводил своё прежнее брренное тело в последний путь, его повезли хоронить на Армянское кладбище. Он даже видел проект своего памятника, но это не затрагивало душу, при- нявшую новый облик.

Антип верой и правдой служил своему роду: делая под- сказки во сне, направляя на нужный путь, поглощая отри- цательную энергию ссор и скандалов. Со временем он стал немного похож на себя в человеческом облике.

Сменялись поколения Шульцев. Однажды он проснулся

на чердаке от необычных звуков. Зажав платок зубами, тихо стонала Марика, шестнадцатилетняя дочь праправнука. Антип приблизился и в ужасе заметил меж её ног окровавленный комочек. Марика обтёрлась платком, передела юбку, спрятала выпачканные вещи в холщовую сумку. Наклонившись над крохотным ребёнком, с брезгливостью посмотрела на голое маленькое тельце. Потом решительно сжала пальцы на тоненькой шейке. Антип, возмущённый совершаемым преступлением, толкнул горку из старых стульев. Марика испуганно оглянулась. Он, быстро переместившись, завернул ребёнка в платок, обернувшись котом, прыгнул в открытое окно чердака. Марика повернула голову и увидела: громадный серый кот, держа в зубах свёрток с новорожденным, вышагивает по коньку на крыше. Боясь привлечь к себе внимание, Марика швырнула в кота ножку от стула, но животное уже скрылось за трубой.

Выкинув сумку с вещами в мусор, она осторожно искала кота и младенца в саду, за домом, во дворе. Ничего не отыскав, облегчённо выдохнула.

Вскоре в доме Шульцев появилось новое существо. Несчастный недоношенный младенец превратился в домашнюю кикимору Акулину. Антип лишь позже сообразил: дух девочки уже отлетел, когда он схватил свёрток. Непутёвая мать родила и убила младенца. Именно неистовое желание спасти кроху, оживило слабое тельце, и оно приняло новую мистическую сущность. Спрятавшись от взоров Марики за

трубой, Антип вместо младенца обнаружил страшно худую девочку крохотного росточка.

Долго ему пришлось воспитывать взбалмошную кики-мору, обиженную на преступницу мать. Акулина подросла, слегка поправилась, нрав её смягчился, она стала хорошей помощницей Антипу.

А вот род Шульцев начал угасать. Антип запутался считать, у какого по счёту внука появилась дочь Елена, ставшая последней в роду. Хотя насчёт Елены он спорил с Акулиной. Так вышло, что оба не заметили беременности её матери. Позже они узнали, почему.

Девочку полюбили, бережно охраняли от неожиданных падений, опасных шалостей и ночных кошмаров. Взрослой Елене как умели навевали сновидения о детях, подбрасывали вещи, игрушки. Бесполезно. По их мнению, Елене, ей исполнилось тридцать пять, пора бы уже завести детей. Но вскоре начались разговоры о переезде в другую страну, туда ранее отправились искать счастья родители мужа Елены. Антип и Акулина надеялись: хозяева, дом которых тщательно оберегали от пожаров и воров, возьмут их с собой в новое жилище. Они с печалью наблюдали, как сновали по комнатам чужие люди, вынося купленные у Шульцев вещи. Хозяева продали всё, что смогли.

Антип смахнул слезу. Тот страшный день время от времени всплывал в памяти. Лена с мужем молча посидели на оставшихся в кухне табуретках, потом подняли сумки и вы-

шли на крыльцо.

– Вы забыли нас! – крикнул Антип.

Конечно, его никто не услышал, лишь во дворе поднялся ветер.

– Вернитесь! Мы пропадём в пустом доме, – отчаянно за-
верещала Акулина, цепляясь слабыми ручками за их сумки.

Щульцы, удивлённые враз потяжелевшими вещами, с тру-
дом потащили их на улицу. Возле калитки путешественни-
ков ожидало подъехавшее такси.

Антип вытолкнул из окаменевшего горла слова.

– Акулинушка, уезжай с ними, ты ведь можешь покинуть
дом.

Акулина сразу отпустила сумки, опустив голову, побрела
к нему.

– Нет уж. Будем вместе ждать новых хозяев. Эти оказались
предателями.

Первый год они питались оставшейся в доме энергетикой,
выпили её досуха. Антип, экономя силы, стал впадать в спяч-
ку. Акулина, будучи не привязанной к дому, её территория
захватывала весь участок Шульцев, могла выходить во двор
и забирать отрицательные эмоции у редких прохожих. А те,
не могли понять, отчего у них резко улучшается настрое-
ние. Иногда ей удавалось подзвать к забору соседских де-
тей, прикидываясь котёнком или зайчиком. Пока дети уми-
лялись животному, она отпивала весь негатив: плаксивость,
капризность, плохой аппетит или нервозность. Но потом и

соседи оставили свои дома.

Акулина делилась энергией с Антипом, не давая ему отчаяться. На третий год в дом забрались воров. Ничего нужного отыскать им не удалось, зато для домашней нечисти наступил праздник. Антип с Акулиной вдоволь повеселились, гоняя воров по комнатам. Перепуганные грабители снабдили их энергией до краёв. Так им удалось продержаться ещё год. Акулина хотя и получила от воров энергию, испугалась за дом, и теперь растила бурьян по всему периметру участка. Через заросли не рискнули пробраться даже вандалы, которые разорили соседний дом. Любимый кикиморой вьюнок, затянул всё пространство, не давая прорасти другим растениям. Антип больше не верил в новых хозяев. Угаснуть и потихоньку развоплотиться, ему не позволяла лишь внучка. А вот Акулина не отчаивалась, продолжая следить за порядком и чистотой в доме.

На четвёртом году их одиночества с западной стороны поселился новый сосед. На его участке началось бурное строительство. Акулина появлялась в доме, будила деда и поила его энергией. Антип окреп, стал заниматься домом. Выгнал расплодившихся мышей, убрал пауков, так пугающих Акулину. В чердачное окно, словно в кино, он наблюдал за преобразованием соседнего участка. Там среди деревьев появилось рукотворное озеро, дом стал выше и оделся в новую крышу. Озеро Акулина называла бассейном, а странные полосатые кресла – шезлонгами. Когда стройка прекратилась,

поток энергии не иссяк. Сосед, молодой мужчина, каждые выходные звал гостей и закатывал вечеринки. Антип не любил звуки варварской музыки, закрывал плотно окна и затыкал уши. Акулина же радовалась шуму и крикам. Никто из гостей не замечал шустрюю кикимору, наблюдающую за ними через сетку-рабицу.

На шестой год сосед перестал устраивать вечеринки, в саду всё чаще стояла тишина. Иногда на шезлонге у бассейна лежала девушка, музыка играла негромко, от мангала тянулось запах рыбы, не мяса, как раньше. Акулина кривилась, называла получаемую от девушки и соседа энергию невкусной, кислой, но приходилось довольствоваться и этим.

На седьмой год пришлось снова голодать. Сосед стал редко появляться в доме. Бассейн затянула зелень, газон зарос. Но им удалось выжить: Акулина дважды запаслась энергией от похоронной процессии. Неожиданно разрешили хоронить в давно закрытом кладбище, расположенном в конце улицы. Энергия горя и боли совершенно не подходила домовому, нездоровая пища не позволила ему угаснуть, но сделала больным и вялым.

Месяц назад, сидя на крыше, Антип заметил соседа. Тот отрастил бороду, как-то потускнел. Нехотя и лениво мужчина наводил порядок в заброшенном подворье, чистил бассейн. Снова стал включать громкую музыку, вынуждая домового прятаться в комнате и затыкать уши.

– Возвращается, – заверещала Акулина, прерывая его раз-

мышления. Она резко приземлилась рядом с Антипом между столами. – Тащит через заросли тяжёлую сумку. – Хихикнув, добавила: – Даже Макар из бани выглядывает.

Антип усмехнулся.

– Если уж банник на свет вылез, происходит важное событие.

– Совсем забыла, – Акулина блеснула яркой зеленью глаз. – Мне сегодня везёт, как никогда. Договорилась с Софроном, он пришлёт Цезаря к нам на постой.

– Цезаря? Это ещё кто?

– Кот. Спасибо баннику, ему удалось связаться с Софроном, тому как раз кота в мешке подбросили.

Антип хрюкнул.

– Кота в мешке? Как бы нам не пожалеть о таком подарке, – вспомнив о корыстном и вредном лешем, схватился за голову. – Чем мы будем расплачиваться с Софроном? Да и кот, наверно, не качественный, раз от него хозяева избавиться хотели.

Акулина надула тонкие губы.

– Леший Софрон к нам со всем почтением, самому кот требуется. Мышей в лесу развелось видимо-невидимо. А что выбросили, так Цезарь им объяснил: хозяева чистопородного свинкса завели. А он, беспородный, стал не нужен.

– Сфинкса, – поправил внучку Антип. Помнишь, хозяйка Лена держала такого же уродца. Даже он, домовый, его побаивался. – А ты чего кладбище лесом называешь?

– Я и говорю свинкса. Про кладбище при Софроне лучше не упоминать, сам знаешь, он свои владения лесом величает.

Стукнула входная дверь. Антип с Акулиной притихли. Они могли переговариваться в диапазоне, не слышимом для человеческого уха, но не любили это делать.

Глава 3

Женька выбралась из улицы Адовой на нормальную дорогу и тут же обнаружила остановку маршрутного такси. Ехать пришлось недолго, уже через пять минут стали попадаться на глаза магазинчики: продовольственные, хозяйственные и галантерейные. В одном крохотном магазине с гордым названием «Минимаркет» она приобрела двухкомфорочную компактную электропечку, тут же затоварилась и продуктами. Взвесив на руке покупки, решила вызвать такси.

– Девушка, мы предоставляем услуги доставки, – заверила её пожилая продавщица. – Ванька! – позвала она кого-то из подсобки.

На её крик вышел вихрастый паренёк. Подтянув джинсы, едва держащиеся на худых бёдрах, тихо буркнул:

– Чего ещё?

– Отвези девушку. Видишь у неё тяжёлые покупки, – продавец глянула на Женьку и добавила: – Можете мне оплатить поездку.

– Мне бы прямо к дому, но учтите на Садовой плохая дорога, – предупредила Женька, вручая продавщице деньги.

Парень хмыкнул, снова подтянул спадающие штаны. На лицо упала длинная косая чёлка.

– Ничего, у машины высокая посадка.

Женька округлила глаза, увидев, подъехавший к магазину

раритет. Она не очень разбиралась в машинах, но поняла: этому авто не меньше шестидесяти лет.

– Она еще ездит?

Иван откинул волосы с лица, прищёлкнул языком.

– Ещё как! Девяносто километров запросто делает по хорошей дороге. О проходимости я уж и не говорю. Это же легендарный «ГАЗ-69А», – забрав пакеты и коробку с печкой у Женьки, он уложил их на заднее сиденье. – Прошу.

– А я считала, такие машины называют узиками.

– Нет. Это именно «ГАЗ», Горьковский автомобильный завод, – он любовно погладил панель машины. – Старичок пятьдесят первого года, а бегают, как молодой. А чего ты забыла на Садовой? Там с десятков семей осталось не больше. Да и раньше я тебя там не видел.

– Только сегодня приехала.

– Надолго?

– Как получится, – протянув руку, добавила: – Женя.

– Иван. Вот мой телефон. Если надо куда-нибудь съездить, звони.

Машина, подпрыгивая и ныряя в ямы, пробиралась к дому Шульцев.

– Тишина и воздух, как в деревне. Жаль, этому месту недолго оставаться таковым, – произнесла Женька, рассматривая улицу.

– Как сказать. Лет десять назад собирались эти дома снести и построить многоэтажки, а они всё стоят и стоят. Поку-

пать и продавать не разрешают, вот дома и обезлюдели. Мы мальчишками обожали лазать по заброшенным постройкам, привидениями друг друга пугали.

Иван остановил «ГАЗ» возле дома Шульцев, присвистнул, глядя на узкий проход через бурьян.

– Ничего себе заросло! Тут топором надо поработать.

Женька не стала объяснять, что заросли лишь небольшой полосой. Поблагодарив водителя, сложила пакеты у калитки.

В доме, благодаря распахнутым настежь окнам, гулял свежий ветерок. Пристроив печку на разделочном столике, она поставила чайник и кастрюльку с водой на конфорки. Неприятный запах нагретого металла потянулся от электропечки. Совсем рядом кто-то громко чихнул, заставив Женьку подпрыгнуть.

– Кто здесь?

Она огляделась по сторонам, выглянула в окно.

– Это привидение? – задала она вопрос, чувствуя себя ужасно глупо. – Привидения могут разговаривать, раз умеют чихать?

Женька могла поклясться, что в комнате послышался чей-то тихий сдавленный смех. Она заглянула во все углы, в шкафы, ничего не обнаружив, пожалала плечами.

– Я не боюсь привидений, мне даже интересно, – громко заявила она, обращаясь неизвестно к кому.

Обедать расположилась в красочной беседке. Внутри сто-

ял небольшой столик и пара плетеных кресел. Розы, нагретые солнцем, пахли одуряюще, будто вокруг разлили масло из роз. Покончив с сосисками, Женька откинулась в кресле, наслаждаясь чаем. Неподалёку послышался громкий щелчок, затем раздался гитарный перезвон, будто кто-то дёргал за струны рядом с беседкой. Женька поперхнулась чаем. Выбравшись из кресла, выглянула наружу. Вскоре какофония звуков прекратилась и полилась мелодия. Мужской голос чуть хрипло затянул:

Я не могу забыть твой нежный голос³
С оттенком невесомого задора.
Горячий август гнёт на пожню колос.
Созрела ежевика для ликёров.

Но по утрам белёсые туманы
И росы серебристые на травах.
Когда же наконец я перестану
Листать увядших отношений главы.

А губы поцелуи позабыли...
Не колет щёки жёсткая щетина...
Ложится слоем светло-серой пыли
Гнетущая безумная кручина...

Женька, наострив уши, дослушала песню. Стихи ей по-

³ Стихотворение поэтессы Ирины Васильевой-Курк «Я не могу забыть...» (15.08. 1917)

направились, да и мелодия оказалась неплохой. Настроение совпало с настроением певца, она представила лицо бывшего жениха – на глаза навернулись слёзы. Потом чертыхнулась.

«Оказывается, я размазня. К тому же у Олега никогда не имелось жёсткой щетины. Интересно, почему? Он всегда тщательно брился или борода не росла?»

Пока она пыталась вспомнить поросль на подбородке Олега, певец, сменив тему, с надрывом в голосе запел:

Моей никчёмной жизни день:⁴
Гудок, проверка, вялые минуты...
Весна в разгуле, пенится сирень,
Но не со мною ты проснёшься утром.
Когда придёт разорванный конверт,
Я испытаю что-то вроде страха.
Вдруг в нём твоё размашистое «нет»
Вмиг станет влажной тонкая рубаха.
Колючка, вышка, люто лают псы.
На небо воют, улыбаясь сыто.
Чернее ночи цвет у полосы,
Которая пока не пережита...

Женька, оглушённая музыкой, постояла немного в раздумье. Пусть певец пел неплохо, да и стихи подобрал необычные, но какого чёрта он так орёт. Явно врубил микрофон на всю громкость. Вот и получила тишину! С чашкой недо-

⁴ Стихотворение поэтессы Ирины Васильевой-Курк из цикла «Зона».

питого чая она приблизилась к стене из бurlьяна, звуки явно неслись из соседнего двора. Одним глотком Женька осушила чашку. Та-а-ак! Надо разобраться, какая свинья, верней свинтус нарушает покой. Она почти бегом вернулась в дом, поднялась на второй этаж и выглянула в окно. У бассейна в шезлонге возлежал рыжий бородатый детина с электрогитарой в руках. На столике стояла початая бутылка спиртного, высокий прозрачный стакан и тарелка с нарезанными фруктами. Детина сграбастал в руку микрофон на невысокой стойке, что-то подкрутил. От неприятного звука, похожего на скрежет, Женька сморщилась, как от зубной боли. Незнакомец остался доволен произведённым эффектом. Теперь его голос буквально гремел:

Запретка. Купол золотой.⁵
И крест на нём, вспоровший небо.
Реальность сглажена мечтой.
Перемешались быль и небыль.
Главнее главного здесь Бог.
Ценнее ценного свобода.
Жизнь собирается из крох.
И разбивается о годы.
Плывёт над зоной благовест.
Молитвы нет. Есть просто слоган.
Не раз целован медный крест.
А всё одно спиною к Богу.

⁵ Стихотворение поэтессы Ирины Васильевой-Курк из цикла «Зона»

«Совсем сдурел! Так и оглохнуть можно, – возмутилась Женька. – Думает: один на белом свете. Или ему плевать на других людей? Поёт про зону. Сидел что ли? Да уж, с таким типом опасно связываться».

Показалось, что от оглушающего грохота затряслись стены дома, во всяком случае, задрезбуждали стёкла в разошедшихся рамах на первом этаже. Пытаясь отгородиться от раздражающей какофонии, Женька закрыла окна. Звуки сделались чуть тише, но не слишком. Они проникали сквозь щели в плохо прилегающих форточках. Закусив нижнюю губу, Женька принялась расхаживать по дому.

«Интересно, здесь есть подвал? Только в нём можно спрятаться от ненормального певца».

Не обнаружив подвал, она сунулась в кладовую, не имеющую окон, затворила за собой дверь. Усевшись на ящик, прислонилась спиной к деревянному стеллажу.

«Как другие соседи терпят это безобразие? Или этот рыжий беспредельщик настолько крут, что боятся с ним спорить?»

Краем глаза Женька заметила, что-то мелькнуло между стеллажей. Внимательно осмотрела кладовую – ничего. Тихо звякнули пустые банки, чуть пошатнулась медная ступка. Мыши? Во всяком случае, сквозняка здесь не было: сквозь плотно запертую дверь воздух не поступал. Только для мыши пронесшаяся тень крупновата. Дом подкидывал всё боль-

ше загадок, заставляя разгораться воображению.

«Опять привидение и может даже не одно? Тогда пребывание здесь становится по-настоящему занятным», – обрадовалась она.

Женька ещё раз осмотрела кладовую, но ни мышь, ни привидение ничем себя больше не выдало.

В десятилетнем возрасте посмотрев «Вий», она долго не могла спать без ночника. Отчего-то ей представлялась умершая бабушка. До фильма она её не боялась и не вспоминала, теперь же стоило сумеркам занавесить окна, как Женьке чудилось: старушка неслышными шагами движется к кровати. Глаза бабы Ани, ставшие оловянными и тусклыми, ловят её взгляд. Женька крепко зажмурилась: нельзя смотреть в глаза призраку, иначе он заберёт душу.

Родители заметили, что дочь стала плохо выглядеть, под глазами залегли тёмные круги. После их усердных расспросов Женька сдалась и поведала о своих страхах. Отец достал семейный альбом, нашёл фотографии тёщи. Будучи детдомовцем, Егор Иванович не знал своих родителей, отчество и фамилию шустрому малышу, найденному на железнодорожном вокзале, дали воспитатели. Он был рад познакомиться с дружной семьёй Шубиных. Его совершенно не расстраивало, что придётся жить в одной квартире с родителями и младшей сестрой жены. Он хотел почувствовать, как это иметь полную семью. К его огромному счастью, и тёща, и свёкор оказались замечательными людьми – приняли его как

родного сына. Егор Иванович показывал дочери фото и рассказывал о бабушке.

– Антонина Петровна была добрым и терпеливым человеком, она никогда бы не сделала зла близким людям, да и чужим тоже. Если бы привидения существовали, то бабушка стала бы самым добрым призраком на свете, – он легонько постучал по лбу дочери. – Я говорил тебе: все страхи прячутся здесь. Мы сами выдумываем их. Воображение может нарисовать как монстра, так и ангела-хранителя. То, что ты сама пожелаешь, то и будет.

В тот вечер родители много поведали о бабушке и дедушке. Женька почти не помнила их, так случилось: они ушли один за другим. Шестилетнюю Женьку потрясло бледное лицо бабушки, обрамлённое кружевной кисеёй, от него веяло непередаваемым холодом. Она не привыкла видеть её в платочке, без улыбки и молчаливой. Девочка не узнавала свою бабушку в этой женщине с восковым лицом. Когда умер дед, Женька спряталась в комнате родителей, боясь увидеть незнакомое существо вместо любимого человека. Жуткий фильм оживил детские воспоминания, проснулся затаённый страх. После рассказа отца Женька впервые заснула спокойно. На следующий день он взял её с собой на работу. Ксения Матвеевна не стала возражать, доверяя мужу. Егор Иванович хотел показать дочери: иногда жизнь висит на волоске, но за неё надо бороться. Смерть же – естественное течение жизни и её не стоит бояться.

Смена выдалась суматошной. Женька видела пострадавших в аварии. К счастью, их удалось спасти. Вместе с врачами радовалась благополучному исходу преждевременных родов, слушала взбалмошные упрёки одинокой старушки, огорчалась кончине старенького инвалида. И хотя всё наблюдала, не принимая участия и находясь в сторонке, понимала, насколько насыщена эмоциями жизнь, вмещающая в один день и рождение, и смерть.

– Понимаешь теперь всё разнообразие жизни? Вокруг нас люди и дела их рук, но никак не привидений или там потусторонних существ. Человека всегда влекло мистическое и непостижимое, оно ведь интереснее обыденного, но пока никто так и не доказал достоверно, что призраки существуют. За много лет работы на «Скорой» я не встретил ни одного. Я не отрицаю существование души, но вот остальное выдумки. Как говорят старики: надо бояться живых людей, а не мёртвых. Мёртвым нет до нас дела, они прах. Страхи возникают благодаря нам самим, помни об этом, – Егор Иванович обнял дочь. – Надеюсь, я не перепугал тебя сегодня?

Женька покачала головой. Её радовало: она не струсилась и не испугалась вида крови. А ещё она гордилась отцом, и раньше знала, кем он работает, но не представляла, как это бывает на самом деле. Этот день сблизил их и показал, насколько глупы и ничтожны её страхи.

Потом она ещё пару раз бывала с ним на смене. Егор Иванович надеялся: дочь в будущем выберет его профессию, но

та пока не чувствовала желания стать врачом. Эти поездки на «Скорой» дали неожиданный результат, о котором Егор Иванович даже не подозревал. Женька настолько уважала отца и мечтала стать вровень с ним, что стала рьяно сражаться со своими страхами и надуманными, и настоящими. Пересиливая отвращение, смело брала пауков и лягушек в руки, умирая от страха высоты, вместе с мальчишками забиралась на старую водонапорную башню, поднималась по недостроенной лестнице в высотном доме, лазала по деревьям, добираясь до макушек. Раз за разом она преодолевала себя, ощущая после каждой маленькой победы радость и эйфорию. Однажды после очередного подъёма на башню поняла: страх высоты пропал, сохранился лишь крохотный холодок, который быстро перерастает в восторг при виде бескрайнего неба и города, лежащего у ног. Если в детстве она спасала лучшую подругу Милу от насекомых и лягушек, задыхаясь от страха, лишь бы увидеть обожание и признательность в её глазах, то теперь делала это хладнокровно. Она принимала благодарность подруги, как лекарство или бальзам для души. Приятно быть спасителем и помощником пусть даже для ровесницы. С самого раннего возраста у большинства людей Мила вызывала умиление и желание защитить её от всех бед. Глядя на неё, на память сразу приходили рисунки аниме: кукольное личико с нежным овалом лица, большие карие глаза, обрамлённые густыми ресницами и маленький рот. Став подростком, Мила ничуть не изменилась,

осталась такой же тепличной и милой девочкой, полностью оправдывая своё имя. Черты характера у неё оказались под стать внешности: скромность, нежность и доброта. Как говаривали бабушки во дворе: девочка отрада для родительского сердца. Эти же бабушки не понимали, почему такая хорошая девочка водит дружбу с Женькой-сорвиголовой, но нехотя признавали: их дружба настоящая и крепкая. Они отдавали должное и Женьке, та не была хулиганкой или задирой, просто вела себя не по-девичьи храбро. Когда к девочкам присоединился Олег Тихомиров, быстро получивший кличку Тихий, бабульки стали судачить: дружба подруг подвергнется серьёзной проверке. Одиннадцатилетний Олег выглядел воспитанным принцем из сказки: красивый, аккуратный и всегда хорошо одетый мальчик. К их удивлению, дворовый принц не заметил местную принцессу, а сразу попал под обаяние непоседливой Женьки. У той даже фамилия – Бегеза оправдывала нрав. Надо ли говорить: Женьку дразнили Егоза. За то, чтобы не называли Козой, ей пришлось драться, делала она это с большой неохотой, причинять боль не в её правилах. Спокойному, уравновешенному Олегу тоже пришлось сражаться за место под солнцем, местная ребятня приняла его не сразу. Законы двора суровы, новенькому устроили небезопасную проверку: проход по лесам строящегося дома. Женька заявила: намерена лично проследить, как новенький проберется от одного угла дома до другого. По его дрожащим пальцам, потемневшим глазам сразу поняла:

Олег боится высоты, как и она когда-то. Женька провела новенького по доскам, подбадривая и крепко держа за руку. Он доверился ей и справился со страхом, а она оценила это доверие. Никому, даже Миле не рассказала, как он беспомощно повторял: ой, мамочки! Больше никуда не пойду! Какими влажными становились его ладони, приходилось останавливаться и вытирать руки о футболку. А когда добрались до места, Олег быстро промокнул мокрые от слёз глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.